

Глава 1

Если вы собираетесь это читать, то не надо.

Все равно через пару страниц вам захочется отложить книжку. Так что лучше и не начинайте. Бросайте. Бросайте, пока не поздно.

Спасайтесь.

Посмотрите программу — по телевизору наверняка будет что-то поинтереснее. Или, если у вас столько свободного времени, запишитесь на вечерние курсы. Выучитесь на врача. Сделайте из себя человека. Доставьте себе удовольствие — сходите поужинать в ресторанчик. Покрасьте волосы.

Годы идут, и никто из нас не молодеет.

То, о чем здесь написано, вам не понравится сразу. А дальше будет еще хуже.

Это — глупая история о глупом мальчишке. Глупая и правдивая история про придурка, с которым вы точно не стали бы знаться в реальной жизни. Вот он, истеричный маленький засранец, ростом вам где-то по пояс, с жиденькими светлыми волосенками, зачесанными на косой пробор. Вот он, мелкий гаденыш, — улыбается со старых школьных фотографий: молочных зубов кое-где не хватает, а нормальные зубы растут вкривь и вкось. Вон он, в своем идиотском свитере в синюю с желтым полоску:

подарок на день рождения, когда-то — самый любимый. Ногти вечно обкусаны. Любимая обувь — кеды. Любимая еда — говенные корн-доги*.

Вот он, малолетний придурок, — в украденном школьном автобусе, с мамой, после обеда. Сидит на переднем сиденье, разумеется, не пристегнувшись. У их мотеля стоит полицейская машина, и мама гонит на скорости шестьдесят — семьдесят миль в час.

Это история про глупого маленького крысеныша, грубияна и плаксу, который — можете даже не сомневаться — был самым противным и гадким ребенком на свете.

Мелкий поганец.

Мама говорит:

— Нам надо спешить, — и они мчатся в гору по скользкой узкой дороге, задние колеса виляют по льду. В свете фар снег кажется синим. Синий снег — от обочины до темного леса.

И это все он виноват. Только он. Маленький раздолбай.

Мама останавливает автобус, чуть-чуть не доехав до подножия скалистой горы, и свет фар упирается прямо в белую плоскость, и она говорит:

— Дальше мы не поедем. — Слова вырываются белыми облаками пара, большими-большими, и сразу понятно, какие сильные у нее легкие.

Мама ставит автобус на ручной тормоз и говорит:

— Выходи, но пальто оставь здесь, в автобусе.

* К о р н - д о г и — corn dogs, сосиски в тесте, типа классических хот-догов, поверхность которых имеет специфичный рельеф, напоминающий по форме початок кукурузы. Отсюда и пошло название этого блюда. Сот в переводе с английского — кукуруза. — *Здесь и далее примеч. пер.*

И вот этот маленький и безмозглый свинтус даже не возражает, когда мать ставит его прямо перед автобусом. Этот поддельный Бенедикт Арнольд в миниатюре* просто стоит на месте, в свете включенных фар, и дает матери снять с себя свитер. Любимый свитер. Этот маленький ябеда просто стоит полуголый в снегу, а мотор все гудит и гудит, и звук отражается эхом в скалах, а мама исчезла где-то у него за спиной — в холоде и темноте. Свет фар слепит глаза, и гул мотора перекрывает сухой скрежет деревьев, трущихся друг о друга ветками на ветру. Воздух такой холодный, что дышать можно только вполсилы; воздуха не хватает, и наш мелкий слизняк пытается дышать быстрее.

Он не убегает. Он вообще ничего не делает.

Мама говорит откуда-то из-за спины:

— Только не оборачивайся.

Мама рассказывает, что давным-давно, в Древней Греции, жила-была очень красивая девушка, дочь гончара.

Как всегда, когда мама выходит из тюрьмы и возвращается, чтобы забрать его, они постоянно в пути. Каждую ночь — в новом мотеле. Едят в придорожных закусочных и едут, едут и едут. Весь день, каждый день. Сегодня в обед мальчик набросился на свой корн-дог, пока тот был еще слишком горячим, и проглотил его чуть ли не целиком, но корн-дог застрял в горле, и мальчик не мог ни дышать, ни говорить. Мама вскочила из-за стола и бросилась к нему.

* Бенедикт Арнольд (1741—1801) — герой Войны за независимость, американский генерал, ставший впоследствии предателем и изменником. В Америке его имя стало нарицательным именем изменника и предателя.

Две руки обхватили его сзади, подняли над полом, и мама шептала:

— Дыши! Дыши, черт возьми!

Потом мальчик плакал, и весь ресторан собрался вокруг.

И вот тогда ему показалось, что им действительно не безразлично, что он чуть не умер. Все эти люди — они обнимали его, гладили по голове. Все его спрашивали: ты как, в порядке?

Казалось, что это продлится вечность. Все было так, как будто надо почти умереть, чтобы тебя полюбили. Как будто надо зависнуть на самом краю — чтобы спастись.

— Ну ладно, — сказала мама и вытерла рот, — получается, я подарила тебе жизнь, еще раз.

А потом официантка узнала его по фотографии на старом молочном пакете, и они с мамой поспешно ушли и вернулись обратно в отель, на скорости семдесят миль в час.

По дороге они заехали в магазин, и мама купила баллончик черной краски.

И вот теперь — после всей этой бешеной гонки — они приехали непонятно куда, непонятно зачем, посреди ночи.

Глупенький маленький мальчик стоит в свете фар. Он слышит, как у него за спиной мама встряхивает баллончик с краской, круглый камушек внутри баллончика бьется о стенки, и мама рассказывает ему, что у той девушки из Древней Греции был возлюбленный.

— Но юноша был из другой стороны, и ему надо было вернуться домой, — говорит мама.

Раздается шипение, и мальчик чувствует запах краски. Мотор все гудит и гудит, теперь — гром-

че, и автобус слегка покачивается, переваливаясь с шины на шину.

И вот в последнюю ночь, когда девушка и ее возлюбленный были вместе, говорит мама, девушка зажгла лампу и поставила ее так, чтобы тень юноши легла на стену.

Шипение краски идет с перерывами. Короткое шипение, пауза. Шипение подлиннее, и снова пауза.

И мама рассказывает, как девушка обвела на стене тень возлюбленного — чтобы у нее хоть что-то осталось от их любви. Память об этих последних мгновениях, когда они были вместе.

Наш плаксивый поганец просто стоит, щурясь на свет от фар. Глаза слезятся, но когда он их закрывает, он все равно видит сияющий свет — красный-красный — прямо сквозь сомкнутые веки, сквозь свою собственную плоть и кровь.

И мама рассказывает, что на следующий день возлюбленный уехал, но его тень осталась.

Лишь на секундочку мальчик оборачивается назад, где мама обводит по контуру его глупую тень на скале — только мальчик стоит далеко, и поэтому его тень получается на голову выше мамы. Его тонкие руки кажутся крепкими и большими. Короткие ноги вытянулись, стали длинными. Узкие плечики развернулись широко-широко.

И мама говорит ему:

— Не смотри. И не шевелись, а то все испортишь.

И вредный маленький сплетник опять поворачивается к свету фар.

Краска шипит, а мама рассказывает, что именно так изобрели живопись. До Древней Греции никакого искусства не было вообще. А потом отец девушки слепил из глины фигуру юноши, по мо-

дели контура на стене — и так изобрели скульптуру.

Мама говорит, очень серьезно:

— Искусство рождается только от горя. И никогда — от радости.

Именно так появились символы.

Мальчик стоит в свете фар, теперь его бьет озноб, но он старается не шевелиться, а мама делает свое дело и говорит, обращаясь к огромной тени, что когда-нибудь он научит людей всему, чему его научила она. Когда-нибудь он станет врачом и будет спасать людей. Возвращать им счастье. И даже кое-что лучше счастья: покой.

И все будут его уважать.

Когда-нибудь.

Это уже после того, как мальчик узнал, что Пасхального Зайца нет. Уже после Санта-Клауса, и Зубной Феи, и святого Кристофера, и законов Ньютона, и модели атома Нильса Бора — но этот глупенький-глупенький мальчик все еще верит маме.

Когда-нибудь, когда мальчик вырастет и станет большим, говорит мама тени, он вернется сюда, на это место, и увидит, что вырос точно до тех очертаний, какие она запланировала для него сегодня.

Голые руки мальчишки покрылись мурашками.

Он весь дрожит от холода.

И мама ему говорит:

— Не трясись, черт тебя побери. Стой спокойно, а то все испортишь.

И мальчик пытается убедить себя, что ему тепло, но свет фар — пусть и яркий — не дает никакого тепла.

— Мне нужна четкая линия, — говорит мама. — Если будешь дрожать, то все смажется.

И только потом, много лет спустя, когда этот маленький неудачник окончил с отличием колледж и поступил на медицинский факультет Университета Южной Каролины — когда ему было уже двадцать четыре и он учился на втором курсе, когда маме поставили диагноз и его назначили ее опекуном, — только тогда до него дошло, до этого маленького сопливого ябеда, что вырасти сильным, богатым и умным — это лишь первая половина в истории твоей жизни.

А сейчас у него ломит уши от холода. Голова кружится, дыхание учащено. Грудь покрылась мурашками. Соски затвердели от холода, как два красных прыща, и он говорит себе, этот мелкий слизняк: *На самом деле, так мне и надо.*

И мама ему говорит:

— Хотя бы стой прямо.

Он расправляет плечи и представляет, что свет от фар — это прожектор за спиной расстрельной команды. Воспаление легких — так ему и надо. Туберкулез — так ему и надо.

Смотри также: гипотермия*.

Смотри также: брюшной тиф.

И мама ему говорит:

— Завтра меня уже рядом не будет.

Мотор крутится вхолостую, из выхлопной трубы вырывается синий дым.

И мама говорит:

— Поэтому стой спокойно и не выводи меня из себя, а то я точно тебя отшлепаю.

И уж конечно, этот маленький вредина заслужил, чтобы его отшлепали. Все, что с ним проис-

* Г и п о т е р м и я — общее охлаждение организма.

ходит, — это все справедливо. Так ему и надо, сопливому придурку, который действительно верит, что все обязательно станет лучше. Когда-нибудь в будущем. Если ты будешь упорно работать. Если ты будешь прилежно учиться. И быстро бегать. Все будет хорошо, и ты непременно чего-то добьешься.

Резкий порыв ветра — сухой и колючий снег обрушивается с деревьев. Снежинки колют уши и щеки. Снежинки тают между шнурками ботинок.

— Вот увидишь, — говорит мама, — это стоит того, чтобы немножечко пострадать.

Это будет история, которую он будет рассказывать своему сыну. Когда-нибудь.

Та девушка из Древней Греции, говорит мама, она больше не видела своего возлюбленного. Никогда.

И глупый мальчик действительно верит, что картина, скульптура или история и вправду способны заменить тебе человека, которого ты любишь.

И мама говорит:

— У тебя еще все впереди.

В это трудно поверить, но глупенький маленький мальчик — ленивый, смешной и нелепый — просто стоит и дрожит от холода, шурясь при свете фар, и ни капельки не сомневается, что у него все будет хорошо. Когда-нибудь в будущем. Он пока еще не понимает и поймет еще очень не скоро, что надежда — это просто очередной переходный период, который надо перерасти. Он верит, что это возможно — создать что-то такое, что останется на века.

Теперь при одном только воспоминании об этом он себя чувствует идиотом. Удивительно даже, как он прожил так долго.

Так что если вы собираетесь это читать, то не надо.

В этой истории не будет доброго, смелого, преданного героя. Герой этой истории — не тот человек, в которого можно влюбиться.

Просто для сведения: то, что вы собрались читать, — это жесткая и безжалостная история законченного наркомана. Потому что почти во всех реабилитационных программах, рассчитанных на двенадцать ступеней, четвертым пунктом стоит задание описать свою жизнь. Во всех подробностях. Каждый срыв, каждый проступок, каждая гадость, которую ты сотворил, — надо все это записывать. Полная опись твоих грехов. Таким образом, ты их как бы осознаешь. Для себя. И потом вроде как больше не повторяешь. По крайней мере пытаешься не повторить. Подобные программы существуют для алкоголиков, наркоманов, обжор и людей, страдающих секс-зависимостью. Одержимых сексом.

Таким образом, у вас всегда есть возможность вернуться в прошлое — к самым поганым моментам из вашей жизни.

Потому что считается: тот, кто не помнит своего прошлого, обречен повторять его вновь и вновь.

Так что, если вы все-таки это читаете... Сказать по правде, это не вашего ума дело.

Тот глупый маленький мальчик, та холодная ночь, все это — очередная бредятина, чтобы было о чем подумать во время секса. Чтобы подольше не кончить. Ну, то есть если вы парень.

Тот мелкий засранец, которому мама сказала:

— Еще немножко, совсем чуть-чуть. Потерпи. Постарайся не двигаться. Постарайся, и все будет хорошо.

Как же.

Мама сказала:

— Когда-нибудь ты поймешь, что оно того стоило. Я обещаю.

И маленький глупенький дурачок, самый противный на свете мальчишка, просто стоял полуголый в снегу, и дрожал мелкой дрожью, и действительно верил, что кто-то и вправду может пообещать что-то настолько несбыточное.

Так что если вы думаете, будто вас это спасет...

Будто и вправду есть что-то, что вас спасет...

Это было последнее предупреждение.

Глава 2

Когда я добираюсь до церкви, на улице уже темно. Начинается дождь. Нико ждет у боковой двери, чтобы кто-нибудь ей открыл. Она зябко поеживается. На улице холодно.

— Вот, подержи пока, — говорит она и сует мне в руку теплый комочек шелка.

Она говорит:

— У меня нет карманов.

На ней — короткое полупальто из поддельной оранжевой замши с ярко-оранжевым меховым воротником. Из-под пальто выбивается подол платья в цветочном узоре. Ноги голые, без колготок. Она поднимается по ступенькам, неловко ступая в своих черных туфлях на высоченных шпильках.

Тряпочка, которую она мне дала, теплая и влажная.

Это ее трусики. И она улыбается.

Внутри, за стеклянной дверью, какая-то женщина возит шваброй по полу. Нико стучит в стек-

ло и показывает на часы у себя на руке. Женщина окунает швабру в ведро. Потом вытаскивает, отжимает, прислоняет к двери и лезет в карман за ключами. Отпирает нам дверь, кричит через стекло:

— Ваша группа сегодня в комнате 234! В классе воскресной школы.

Народ уже собирается. Подъезжают машины, люди поднимаются по ступеням. Я убираю трусики Нико в карман. Все с нами здороваются, мы здороваемся со всеми. Верьте или не верьте, но вы всех их знаете.

Эти люди — живые легенды. Все эти мужчины и женщины — вы про них слышали. Не могли не слышать.

В 1950-х одна ведущая компания по производству пылесосов внесла небольшое усовершенствование в дизайн. Они поместили в сосущий шланг маленький вращающийся пропеллер с остро заточенными лопастями — на расстоянии в несколько дюймов от края. Идея была такая: входящий воздух вращает пропеллер, и он разрезает нитки, собачью-кошачью шерсть и вообще всякий мусор, который может забить шланг.

Да, идея была неплохая.

А что из нее получилось? Многим из этих мужчин пришлось обращаться в травмопункт с покаленным членом.

Во всяком случае, так говорят.

Или вот еще старая городская легенда про симпатичную домохозяйку, которой друзья и родные решили устроить сюрприз на день рождения. Они все потихонечку собрались в дальней комнате, а когда всей толпой завалились в гостиную с криками «С днем рождения!», они обнаружили, что вино-